

Philologica russica et speculativa tomus VII

М. И. ШАПОР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга вторая

Языки славянской культуры

Москва 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-04-16115

Ш 23 Шапир М. И.

Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — Кн. 2. — XXII, 586 с., 1 л. портр. — (Philologica russica et speculativa; Т. VII).

ISBN 978-5-94457-227-1

Вторую книгу монографии М. И. Шапира (1962–2006) составили исследования по истории русского стихотворного языка XVIII—XX вв., а также по истории русского стиховедения и лингвистической поэтики (от Московского лингвистического кружка до наших дней). На материале произведений Ломоносова, Пушкина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, Д. Хармса, А. Твардовского, И. Бродского, Д. А. Пригова, Т. Кибирова и др. автор исследует взаимоотношения языка, стиха и смысла и развитие русской стиховой культуры. В приложение включены статьи М. И. Шапира, непосредственно примыкающие по своему содержанию к теме монографии, а также полная библиография его опубликованных работ.

УДК 80/81

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-227-1

9 785944 572271 >

- © М. И. Шапир (наследники), 2015
- © Языки славянской культуры, 2015
- © М. В. Акимова, статьи, 2015
- © А. С. Белоусова, статьи, 2015
- © И. А. Пильщиков, статьи, 2015
- © В. С. Полилова, статьи, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

О настоящем издании	vii
<i>М. В. Акимова, И. А. Пильщиков</i>	
М. И. Шапир: штрихи к портрету	xi

Часть III. История (XVIII, XIX и XX век)

В поисках незнакового языка (Звук и смысл в поэзии раннего Хлебникова)	3
1. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура)	3
2. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова (К реконструкции «московского мифа»)	10
Символическая заумь Федора Сологуба: между ложью и фантазией	18
Псевдобиблейские квазиантропонимы в авангардном поэтическом тексте	26
Время и пространство в поэтическом языке Мандельштама (С примечаниями Е. П. Сошкина)	33
Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона	46
К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова)	62
Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	100
Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)	145
Данте и Тёркин «на том свете» (О судьбах русского бурлеска в XX веке)	151

Содержание

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	166
О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)	237
Семантические лейтмотивы иронии-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	257

Часть IV. История науки

«Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)	327
М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха	346
«...Домашний, старый спор...» (Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха)	384
Проблема границы стиха и прозы в свете лингвистического учения Р. О. Якобсона	389
«Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция)	395
Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию	405

Приложения

Из «Литературной энциклопедии терминов и понятий»	441
Литературный язык	441
Язык художественной литературы	447
Московский лингвистический кружок (МЛК)	456
Contra philologiam: Лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка» (Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. А. Пильщиков)	459
А. С. Белоусова, В. С. Полилова Ненаписанная статья М. И. Шапира о «стихах на карточках» Льва Рубинштейна	483
Список опубликованных работ М. И. Шапира (1986–2015)	496
Библиография	511
Именной указатель	567

М. И. ШАПИР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

*

М. В. Акимова, И. А. Пильщиков

Девять лет назад, 3 августа 2006 г. скоропостижно скончался выдающийся русский филолог Максим Ильич Шапир. Он был молод, феерически талантлив и в свои неполные 44 года успел сделать очень многое. Ему принадлежит около 200 публикаций по самому широкому спектру гуманитарных дисциплин — в круг его непосредственных интересов входили история и теория русского стиха, теория поэтического языка, лингвистическая поэтика, текстология, история литературы, семиотика, логика и методология науки, точные методы в гуманитарных науках, история филологических наук.

М. И. Шапир родился в Москве 25 августа 1962 г. В 1994 г. он окончил с отличием филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, куда поступил в 1979 г. В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию по русской литературе (тема: «Стихотворное наследие Г. С. Батенькова: Проблемы текстологии и поэтики»), а год спустя — докторскую по двум специальностям — русская литература и русский язык (тема: «Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII — первой половины XIX вв.»). Положенные в основу обеих диссертаций статьи, дополненные новейшими работами, были собраны автором в двухтомнике «Universum versus». Первая книга этой монографии вышла в свет еще в 2000 г. Вторую книгу удалось издать только сейчас.

Научной работой Шапир начал заниматься еще в студенческие годы. Его статьи «Исторический анекдот у Н. А. Добролюбова и А. К. Толстого» и «Г. О. Винокур и „научная поэтика“» были напечатаны в «Вестнике Московского университета. Серия 9: Филология» (Шапир 1986; 1987б). С 1987 г. Шапир ста-

новится постоянным автором журнала «Известия РАН. Серия литературы и языка», с 1989 г. регулярно публикуется в журнале «Russian Linguistics», с 1992 г. — в «Вопросах языкознания», с 1994 г. — в «Вопросах литературы». Статьи Шапира печатались (в том числе посмертно) в сборниках «Славянский стих» (1996–2009) и «Логический анализ языка» (2006–2008). Значительный резонанс вызвали его статьи и заметки, опубликованные в литературно-критических журналах — «Даугаве» (1989–1990) и «Новом мире» (2002–2004).

В 1992–1993 гг. по гранту Русского исследовательского центра Гарвардского университета Шапир работал в Гарвардском университете и Массачусетском технологическом институте с материалами из личного архива Р. О. Якобсона. В 1994–1998 и в 2000–2001 гг. читал лекции по стиховедению на филологическом факультете МГУ. В 2005–2006 гг. — курс по теории стиха в Институте мировой культуры МГУ. В 2000–2002 гг. он — старший научный сотрудник, а с 2003 г. — главный научный сотрудник Института мировой культуры МГУ. С 2001 г. — ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН.

* * *

Шапир был филологом в самом точном смысле слова: ему было свойственно захватывающее, почти физиологическое, как говорил он сам, упоение словом. Это было, кажется, не школьно-классицистическое удовлетворение от сочинения, вовсе не сентиментально-усадебное наслаждение от чтения и не деконструктивистско-снобистский *plaisir du texte*. Это было что-то вроде творческого импульса, рождающего чисто научное вдохновение, за которым уже просматривается сюжет будущего исследования, главная цель которого — понимание и истолкование слова. Шапир отстаивал последовательно филологический подход к явлениям культуры, совмещающий методологию литературоведения и лингвистики: его интересовала прежде всего филология как наука о тексте и его смысле, в отличие от лингвистики (науки о языке), семиотики (науки о знаках и их значениях), истории литературы (науки о генезисе поэтических форм), исторической поэтики (науки об эволюции поэтических форм) и теоретической поэтики (типологии поэтических форм). Он давал следующее определение: «Главный предмет филологии — *текст* и его *смысл*»; из всех гуманитарных наук только филологию интересует «*текст как целое <...>*, то есть уникальное, неповторимое единство смысла во всей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме» (Шапир 2002д, 57). Такое понимание филологии в русской традиции восходит к Г. О. Винокуру. И в 1980-е — 2000-е годы одним из

немногих последователей Винокура был Шапир, который при этом сумел синтезировать достижения двух ответвлений русского формализма — петроградского ОПОЯЗа (прежде всего Ю. Н. Тынянова), с одной стороны, и Московского лингвистического кружка (МЛК), с другой.

Пропагандистом МЛК в структуралистскую и постструктуралистскую эпоху был М. Л. Гаспаров, которого Шапир считал своим неофициальным учителем, чье дело он продолжал и с которым, как всякий выдающийся ученик, часто не соглашался и спорил [см. статью «Гаспаров-стихoved и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию» (Шапир 1996а), с. 405—438 наст. изд.]. Более того, Шапир как методолог и практик плодотворно использовал конкурирующие, некогда антагонистические тенденции внутри самого МЛК — шпетианскую феноменологию М. М. Кенигсберга, фундаментальный филологизм Г. О. Винокура, структурализм Р. О. Якобсона и теоретико-вероятностный подход Б. И. Ярхо. Шапир опубликовал ряд основополагающих работ, посвященных наследию и биографии этих ученых (некоторые из этих работ включены в настоящее издание), подготовил к печати «Филологические исследования» Винокура (Москва, 1990. 452 с.) и «Методологию точного литературоведения» Ярхо (Москва, 2006. 960 с.; совместно с М. В. Акимовой и И. А. Пильщиковым). Эти издания снабжены обширными историко-научными комментариями, перебрасывающими мост от окореволуционной эпохи к современности — в них сказался филологизм Шапира-текстолога.

Многие работы Шапира были опубликованы на страницах двуязычного журнала по русской и теоретической филологии «*Philologica*», основанного им в 1994 г. совместно с И. А. Пильщиковым. В послесловии к первому тому Шапир писал: «Специфика издания определяется тем, что в области русистики это практически единственный журнал, рассматривающий вопросы культуры *sub specie philologiae*. <...> Нас интересует такая лингвистика, которая видит в языке прежде всего выражение смысла и манифестацию культуры, и наоборот, для нас неприемлемо никакое литературоведческое построение, если оно не базируется прочно на данных языка в широком смысле слова» (Шапир 1994г, 275). В 1994—2006 гг. вышло 8 томов (20 номеров) журнала общим объемом более 2,5 тыс. страниц. С 2000 г. выходит книжное приложение к журналу — серия «*Philologica russica et speculativa*».

Многие наши современники видят в Шапире прежде всего стиховеда. Думается, это верно в том смысле, что он был стиховедом *par excellence*. Среди его наиболее существенных достижений — оригинальное, стройное (хотя и, увы, недостроенное) здание общей теории стиха.

Исходный тезис программной статьи Шапира «На подступах к общей теории стиха» (2001а; 2000, 76–90) — утверждение о том, что такой теории «как единой отрасли знания до сих пор не существует», поэтому основная задача — заложить для нее основу, дав непротиворечивые определения базовых стиховедческих понятий. Чтобы это сделать, необходимо, считал Шапир, найти единый подход к трем фундаментальным теоретико-стиховедческим вопросам — о соотношении стиха и прозы, о соотношении стиха и языка и о соотношении стиха и смысла. Начинать, по убеждению Шапира, нужно с проблемы стиха как особой формы речи в его отличии от прозы. В статье «„Versus“ vs „prosa“: пространство-время поэтического текста» (1995а; 2000, 36–75) Шапир дает феноменологическое определение стиха: любой стих представляет собой систему сквозных принудительных членений, структурирующих в тексте дополнительное (четвертое — по отношению к речевой, языковой и семиотической координатам) измерение, единицы которого связаны между собой парадигматически, то есть как реализации единого инварианта, подобно *этическим* и *эмическим* единицам языка. Из этого определения в статье «На подступах...» дедуктивно выводятся все прочие теоретико-стиховедческие понятия: системы стихосложения, метр, ритм, рифма, строфа, твердая форма и др. (2000, 76–90).

В исследованиях по теории стиха Шапир не ограничивается областью стихотворной формы. В статье «*Metrum et rhythmus sub specie semioticae*» (1990д; 2000, 91–128) он дал теоретические определения метра и ритма и показал, что они отвечают за разные зоны стиховой семантики. В этой работе пересматриваются представления о том, что ритм есть либо система отклонений от метра (так думал Андрей Белый, от работ которого принято отсчитывать историю современного стиховедения), либо конкретная реализация абстрактной метрической схемы (как полагали другие теоретики стиха от Б. В. Томашевского и В. М. Жирмунского до М. Л. Гаспарова). Метр как общая закономерность и ритм как единичный факт противостоят друг другу как различные способы осуществления единого ритмического задания — Ритма как *принципа* организации поэтического текста. Для Белого, Томашевского и Жирмунского метр был законом, а ритм — тенденцией; для Шапира и ритм и метр — тенденции, и они не выводимы один из другого. Ритм невыводим из метра и не является его частным случаем, поскольку, имея возможность нарушать метр, может быть от него независим, автономен. В свою очередь, метр невыводим из ритма, поскольку ритмически идентичные строки могут по-разному интерпретироваться в зависимости от метрического контекста. Метры и ритмы не предстают как нечто раз и навсегда данное: они непрерывно «перетекают» друг в друга; поэтому Шапир

говорит о двух взаимно противоположных и взаимосвязанных процессах — «метризации» ритма и «ритмизации» метра. Эти понятия сопоставимы с понятиями «логаэдизации» и «верлибризации», введенными ранее В. П. Рудневым (1986, 230–233). Действительно, превращение ритма в метр — это движение в сторону логаэда, а превращение метра в ритм — движение в сторону верлибра.

Шапир счастливо совмещал в себе лингвиста и литературоведа, новатора и традиционалиста, теоретика и эмпирика. Его исследовательский стиль сочетал стремление к фундаментальным теоретическим обобщениям и тщательность разработки эмпирического материала. Потому работы Шапира по истории русского стиха мыслились автором как развернутые иллюстрации к тому или иному тезису общего теоретико-методологического построения.

Например, в статье «„Горе от ума“: семантика поэтической формы» (1992а; 2000, 252–276) Шапир изучал, как связаны между собой различные элементы художественного текста: жанр, сюжет, персонаж, стиль, стих, язык и т. д. Исследователю удалось, опираясь на точные цифры, продемонстрировать смешанный трагико-комический характер пьесы Грибоедова: оказалось, что по многим параметрам это произведение находится ровно на полпути между комедией и трагедией.

Помимо новаторского решения проблемы соотношения стиха и прозы, Шапир успел предложить новые, и притом чрезвычайно убедительные, решения двух других фундаментальных теоретико-стиховедческих вопросов — о соотношении стиха и языка и о соотношении стиха и смысла. В работе о стихе раннего Ломоносова, детально освещающей происхождение и развитие русского 4-стопного ямба, ученому удалось продемонстрировать, что своим ритмическим обликом русский классический стих «пушкинского образца» в большой мере обязан такому постороннему для поэтики событию, как восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны: необходимость ввести в торжественную оду имя монаршей особы, каждое упоминание которой влекло за собой один-два пиррихия, заставило Ломоносова радикально пересмотреть теорию и практику стихосложения. Не случись этого, писал Шапир, русский стих мог бы пойти по другому пути (Шапир 1996г; 2000, 131–160).

Стиховедческие штудии Шапира никогда не были чисто формальными: в них все аспекты стихотворной формы (метрика, ритмика, рифма, строфика) затрагивались в их взаимодействии и в связи со всеми уровнями поэтического языка (фонетика, морфология и синтаксис, лексика и фразеология). Например, ученый показал, что хотя «елизаветинская» реформа русского стиха, осуществленная Ломоносовым, была вызвана к жизни одной темой и чуть ли не одним словом, эта реформа существенно расширила словарь ломоносовской оды, сказала на репертуаре и

частотности морфологических форм стихотворного языка и кардинально перестроила весь поэтический синтаксис: появление длинных слов привело к удлинению предложения и усилению межстрочных грамматических связей; в результате сформировался классический строфико-синтаксический период (Шапир 1999г; 2000, 161–186). Историю его становления и разрушения (от Ломоносова и Сумарокова до Бродского и Кибирова) Шапир проследил в специальной работе (2003б), из которой видно, как по мере усиления межстрочных синтаксических связей последовательно выкристаллизовались три способа построения стихотворной речи: «синтаксический», «антисинтаксический» и, наконец, «парасинтаксический» (с необходимыми оговорками эти три системы Шапир интерпретирует как «классическую», «романтическую» и «модернистскую»; см. наст. изд., с. 166–236).

Шапир сформулировал новый подход к проблемам сравнительно-исторического стиховедения: изучение формальной и семантической деривации стихотворных размеров должно основываться не на их сходстве, а на закономерных различиях. В статье «Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина» (Шапир 1994а; 2000, 277–334) он реконструирует метрическую, ритмическую и семантическую эволюцию русского гексаметра и его дериватов за сто лет (1730–1830-е годы) и одновременно показывает, что своеобразие темы, сюжета, жанра, персонажей, стиха и стиля написанной пентаметром поэмы Катенина «Инвалид Горев» (1835) определяются зависимостью и отталкиванием от Гомеровой «Одиссеи».

В области прикладного стиховедения Шапир поставил и решил интереснейшую методологическую задачу — построение сквозного контрастивного описания двух групп текстов, сопоставленных по всем стиховым и языковым параметрам. Речь идет об исследовании «Феномен Батенькова и проблема мистификации» (1997в и 1998а; 2000, 335–458), в котором Шапир, используя целый комплекс традиционных и оригинальных приемов филологического и статистического анализа, убедительно предположил, что значительную часть корпуса батеньковских текстов нельзя считать аутентичными — это, может быть, «самая искусная русская литературная мистификация», автором которой является исследователь творчества Батенькова филолог и поэт А. А. Илюшин. Однако этого вывода ученый не сделал. Хотя тезис о контрафакции звучал более чем убедительно, альтернативная гипотеза не была безоговорочно признана ложной. Шапир обнаружил, что на всякий аргумент в пользу подделки отыщется контраргумент: всякие расхождения между подлинным (как правило, более ранним) и сомнительным (как правило, более поздним) Батеньковым «можно объяснить метаморфозами, которые личность Батенькова претерпела в тюрьме и ссылке». Были поэты, которые за те же годы проделали не меньшую эволюцию (напри-

мер, Тютчев). А это значит, что «в области атетезы и атрибуции филологическая критика текста, по большому счету, бессильна». Эту работу Шапир защитил в качестве кандидатской диссертации (в присутствии А. А. Илюшина как научного руководителя!). При этом оппоненты (М. Л. Гаспаров и А. Л. Гришунин) сочли, что авторство Илюшина диссертант доказал бесспорно.

Кроме того, в этой работе было сделано немало сопутствующих наблюдений и выводов, касающихся, в частности, проблемы авторства. Если Ролан Барт заявил о смерти автора в рамках импрессионистического эссе, то Шапир сказал о том, что автор по-прежнему остается научной фикцией, после внимательного обследования таких эмпирических особенностей текста, из которых, казалось бы, можно вывести авторскую индивидуальность. При этом Шапир вовсе не был убежден в том, что смысл произведения ограничен рамками самого текста: мы иначе воспринимаем текст, зная, кто его автор: мужчина или женщина, Пушкин или Хармс, известная историческая личность или аноним.

С вопросами исторической грамматики русского стиха у Шапира тесно связаны проблемы истории русского литературного языка и исторической стилистики. В рецензиях на книги Б. А. Успенского Шапир убедительно критиковал теорию церковнославянско-русской «диглоссии» (Шапир 1989в; 1997б). В 1999—2002 гг. исследователь сформулировал тезис о принципиальной роли ирои-комикки и бурлеска в национальной литературной традиции. Впервые поставив вопрос об исторической грамматике русского стиха, Шапир проложил от него путь к проблемам исторической стилистики. В фундаментальной статье «Барков и Державин» он сформулировал тезис о принципиальной роли бурлескной поэтики в национальной традиции (Шапир 2002а). На этой основе М. И. Шапир совместно с И. А. Пильщиковым начал разрабатывать новую глобальную модель эволюции русских поэтических стилей, построенную на противопоставлении двух типов стилистической организации: гомогенного (ровного, построенного на соположении элементов, равных по своему регистру) и гетерогенного (построенного на неравенстве, «разнообразии», на стилистических контрастах) (Пильщиков, Шапир 2006). Первый гомогенный стиль создает Ломоносов (апология высокого стиля), альтернативный гомогенный стиль — Сумароков (апология среднего стиля). Первый гетерогенный стиль — это обценный бурлеск Баркова, следующий шаг — «официальный» бурлеск Державина (синтез Ломоносова и Баркова). Стилистика Карамзина и карамзинистов продолжает линию Сумарокова, однако бурлескная полемика Батюшкова и Пушкина с архаистами представляет новый виток рецепции барковщины. Пушкин развивает ряд малых жанров в рамках карамзинской традиции, но в стилистической эволюции пушкинских *grands genres*,

напротив, выстраивается бурлескная магистраль: от ирои-комической поэмы «Монах» через бурлескно-порнографическую «Тень Баркова» (Пильщиков, Шапир 2005а; 2005б) к роман(т)ической поэме «Руслан и Людмила» и далее — к «Евгению Онегину» с его пародией на классическую эпопею (Шапир 1999д; 2000, 241–251) и автопародийному «Домику в Коломне». В одной из своих последних работ (2003/2005; 2009, 124–190; включена в наст. изд., с. 257–323) Шапир выявил генезис «Домика в Коломне» как памятника бурлескной литературы, разобрав его связь с сатирическими поэмами Байрона и раскрыв десятки неопознанных ранее цитат. Вторая часть статьи посвящена продолжению этой традиции вплоть до конца XX в. В русле интереса к бурлескной поэтике лежит и критическое издание лицейской баллады А. С. Пушкина «Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы» (Москва, 2002. 497 с.), осуществленное совместно с И. А. Пильщиковым и вызвавшее бурную полемику.

Издание «Тени Баркова» ставило перед собой не только историко-литературные цели — оно представляет собой первую попытку реализации текстологической концепции Шапира. В его статье «К текстологии „Евгения Онегина“ (орфография, поэтика и семантика)» (Шапир 1999а; 2009, 249–264) был выдвинут тезис о принципиальной недопустимости снятия омонимии при модернизации пушкинского правописания (а именно такая практика принята в современных академических изданиях) — хотя в отдельных случаях разрешение неоднозначности возможно как высоковероятная гипотеза. Суть проблемы не в том, что одну интерпретацию можно счесть более вероятной, чем другую, а в том, что в контекстах такого рода неоднозначность (как преднамеренная, так и непреднамеренная) объективно присутствует в тексте и потому должна быть сохранена.

В статье «Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина» (Шапир 2001б; 2009, 265–274) принципиальное для Шапира представление о потенциальной значимости формы распространено на все уровни и аспекты поэтического языка, включая орфографию и пунктуацию. Подлинная цель научной подготовки текста — не приближать памятник к читателю, а, напротив, приближать читателя к памятнику. Академическое издание литературного произведения должно ориентироваться не на современные эдичионные «правила», а на совокупность орфографических, версификационных и иных норм, действовавших на протяжении изучаемого исторического периода. Отсюда следует отказ от модернизации и произвольной унификации орфографии и пунктуации изучаемого текста, которые неминуемо ведут к искажению смысла произведения, его языковой и стихотворной формы.

В статье «„Евгений Онегин“: проблема аутентичного текста» (2002б) посмертная история пушкинского текста рассматривается как история его искаже-

ния: в изданиях, в том числе научных, канонизированы варианты, отвергнутые Пушкиным, и узаконены многие ошибки и опечатки. В этой же статье и в продолжающей ее полемической заметке «Отповедь на заданную тему» (2003а) Шапир обсуждает вопрос о том, в какой мере последнее прижизненное издание «Онегина» (1837) может быть использовано в качестве источника критического дефинитивного текста. Анализируя многочисленные разночтения между изданиями, Шапир доказывает, что оно в наибольшей степени отражает авторскую волю (обе статьи вошли в книгу: Шапир 2009, 275–319).

Интересы Шапира затрагивали и поэзию XX в. Его последним публичным выступлением стал доклад о символической зауми Федора Сологуба, прочитанный в Институте языкознания РАН в конце июня 2006 г. (2007; 2008а; см. наст. изд., с. 18–25). Еще раньше Шапир оставил яркий след в изучении поэтики других классиков серебряного века: в 1990-е годы он тонко проанализировал два ранних стихотворения Хлебникова (1992б; 1993б; см. с. 3–17 наст. изд.), а впоследствии написал сжатый очерк поэтического языка Мандельштама (2003в; см. наст. изд., с. 33–45; в дальнейшем он планировал провести контрастивный анализ поэтики Мандельштама и Пастернака). В этой связи нельзя не упомянуть и одну из главных работ Шапира последних лет (2004г) — исследование, в котором доказано, что небрежность «является неотъемлемой чертой индивидуального стиля Пастернака» (с. 100–144 наст. изд.).

Шапир был открыт для нового, его привлекала современная поэзия: героями его работ становились Иосиф Бродский, Д. А. Пригов, Тимур Кибиров (см. с. 166–323 наст. изд.), Лев Рубинштейн (к сожалению, статью о рубинштейновских стихах на карточках, которые интерпретируются как особая система стихосложения, ученый написать не успел; реконструкцию замысла см. на с. 483–495 наст. изд.).

За всеми сюжетами исследований Шапира просматривается высшая цель: понимание и истолкование дошедшего до нас текста. Это ни в коем случае не погоня за новыми и неожиданными толкованиями. Конкретные интерпретации, сколь бы неожиданными и неортодоксальными они ни были, никогда не грешили произвольностью. Вслед за Г. Г. Шпетом и Б. И. Ярхо Шапир считал науку не столько особым способом познания, сколько особым способом изложения познанного — специфичным языком духовной культуры. Главная черта научного дискурса — общеобязательность выводов. В статье «О деонтологии науки» Шапир писал: «<...> основным содержанием собственно научной этики является этика языка, то есть строгое соблюдение норм научного языкового поведения. В общем виде эти нормы, или требования к языку науки, столь же просто сформу-

лировать, сколь непросто исполнить. Научные высказывания должны отличаться четкостью, ясностью, логической непротиворечивостью и поддаваться проверке, то есть быть в принципе доказуемыми либо опровержимыми: претендовать на научность может только такое знание, которое способно оказаться как истинным, так и ложным <...>» (Шапир 2001г, 259). Поэтому ученый не просто пытался убедить читателей или слушателей в открывшейся ему самой истине, а последовательно и методично доказывал ее. Как методолог науки Шапир был верным сторонником К. Поппера и как никто другой понимал, что научное высказывание — это высказывание принципиально опровергаемое. В русской филологии Шапир был одним из немногих, кто признавал верифицируемость эмпирических данных и фальсифицируемость теории обязательными для гуманитарных наук. Он жаждал, чтобы его научные построения обсуждались и, если доказана их непригодность, отвергались, а в противном случае — принимались в качестве общеобязательных. Он хотел честных и открытых дискуссий, а такая возможность предоставлялась ему не часто. Свой удивительный талант полемиста ему нередко приходилось растрчивать на ответы недобросовестным оппонентам. Не беремся сказать, имеют ли такие выступления методологическое значение, но высокий этический смысл они имели бесспорно (см., например, Шапир 1999в; 2003а). А одно из публичных полемических выступлений Шапира может послужить прекрасным введением в его научное наследие (2005а).

Шапир, который в течение пяти лет читал спецкурсы по теории и истории русского стиха на филологическом факультете МГУ, после 2001 г. по воле деканата филфака ни разу не был приглашен даже на почасовую лекторскую работу. Единственный курс лекций, прочитанный им в стенах Университета в 2005—2006 гг. («Основные проблемы теории стиха»), прошел в рамках независимого семинара по лингвостиховедческому анализу русских поэтических текстов. Лишенный возможности преподавать, Шапир болезненно переживал столь аномальную ситуацию: он слишком хорошо понимал, что наука требует коллективной работы и мечтал о создании собственной научной школы. По прошествии почти десятилетия со дня смерти ученого можно сказать, что его мечта хотя бы отчасти осуществилась: целая плеяда активно работающих сегодня молодых филологов называют Шапира своим учителем, а его имя объединяет исследователей из разных стран и служит своеобразным методологическим ориентиром (об этом говорят и две Шапировские конференции, собравшие участников со всего мира в 2007 и 2012 г.; см. Белоусова, Головастиков 2008). Работы участников первой конференции вошли в 9-й том журнала «Philologica», опубликованный в электронной форме, а затем составили печатный сборник «Res Philologica» (Белоусова, Пильщикова 2014).

Второй том «Universum versus» — это третья книга работ Шапира, увидевшая свет после его ухода. В 2009 г. в серии «Классики отечественной филологии» издательства «Языки славянской культуры» вышли «Статьи о Пушкине». В 2013 г. основные работы Шапира по теории и истории стиха были переведены на итальянский язык и изданы отдельным томом под заглавием «Universum versus: saggi di teoria del verso e di teoria della letteratura» (Šapir 2013).

В свое время Б. И. Ярхо удалось при помощи несложной арифметики показать, что физическая смерть Пушкина не была закономерной, как, например, думал Владимир Соловьев, а, напротив, явилась катастрофой, погубившей чрезвычайно интересную и разнообразную работу поэта над своим стихом. Каждому, кто следил за творчеством Шапира, столь же очевидна совершившаяся трагедия оборванной жизни, нереализованных замыслов, прерванных научных исследований, несправедливой прижизненной недооценки, осиротевших коллег, учеников, друзей и близких. Хаос повседневной жизни он чудесно преодолевал в стройных классических трудах, а внезапный финал снова явил ее дисгармоничную барочную природу. Если нам и суждено постоянно переживать эту открытую форму, пусть сама открытость придаст уверенности в том, что мощное интеллектуальное движение, которому был интимно причастен Максим Ильич Шапир, продолжается.